

Эти и другие идеи Г. В. Мальцева позволяют углубить наши представления об истории политико-правовых феноменов, их функциях в социуме. Исследование подобного рода требует глубочайшей эрудиции, оригинального мышления, способности к новому видению многих проблем теории и истории государства. Все это в полной мере присутствует в работах Г. В. Мальцева. Можно считать, что его работы безусловно войдут в число классических юридических исследований начала XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев, Г. В. Культурные традиции права : монография / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 608 с.
2. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс // Ин-т Европы. – М. : Наука, 1994. – 397 с.
3. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы : учеб. пособие / Т. В. Кашанина. – М. : Юрист, 1999. – 335 с.
4. Мальцев, Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 736 с.

УДК 13(47)(8)

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕДИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ СЛАВЯН**Л. Н. Семёнова***Белорусский национальный технический университет, г. Минск*

Признаваемая многими научными направлениями двухуровневая топика индивидуального и коллективного сознания складывается из рационального сознания и иррационального подсознания. Нижний подсознательный уровень – это прежде всего мифология, которая до сих пор живуча и востребована. Нижним мифическим уровнем менталитета славян является дохристианское ведическое наследие, интерес к которому в настоящее время растет.

В настоящее время в белорусском и особенно российском обществе резко возрос интерес к древней дохристианской истории. Появляются различные общины, дарующие своим активистам жреческое посвящение, сообщества по изучению славяно-арийских вед, исторического наследия Гипербореи, Арианы, русичей, русской ведической грамматики, русских боевых искусств и т. д. Социальные сети пестрят группами родноверов, волхвов, адептов разных богов, любителей древностей Тартарии, Аркаима, Арконы и т. д. Книжная торговля изобилует соответствующей книжной продукцией разных жанров, готовой удовлетворить самые экзотические вкусы читателей. Не отстают от них художники, кинематографисты, музыканты.

Интерес к этой теме объясняется многими факторами, характерными для нынешнего кризисного времени, понимаемого не в качестве очередного экономического, политического и т. д. кризиса, а как смена масштабных эпох, глобальных социальных трансформаций. Влиятельный теоретик американского менеджмента П. Друкер назвал это время «водораздел», «эпоха разрыва» и подчеркнул, что мы вступили в него «где-то между 1965 и 1973 годами», миновав водораздел и вступив в «следующий век» [1, с. 11]. Но проблема в том, что новый век еще не ясен, он только манит к себе, тогда как старый реально уходит, обрушивая свои порядки, институты, системы. По словам А. И. Фурсова, «мы уже покинули старый мир, но еще не вступили в новый – сегодня мы живем между мирами, в in – between – world, как сказали бы англосаксы, на хроноводоразделе» [5]. Какой же старый мир мы покидаем, оказавшись в его «последних временах»?

В научном и общественно-политическом дискурсе обсуждаются терминальный кризис мировой капиталистической системы, библейского проекта, западной цивилизации, материалистической технократической цивилизации и т. д. Как уже ни раз бывало

в истории в эпоху подобных хронодифференциалов в Европе между древностью и средневековьем, средневековьем и новым временем, существенно меняется вся информационная картина мира, все формы общественного сознания, при этом появляются новые. Не многим людям удастся ориентироваться в происходящем, сохранять спокойствие и уверенность. Еще меньшее число не только приспосабливается к «последним временам», но даже извлекает из них выгоду. Как говорил герой романа М. Митчелл «Унесенные ветром» Рэд Батлер, самые большие состояния делаются на разрушении империй. Большинство же людей сложно переживают разрыв времен, который всегда разрушает уют привычного кокона их повседневной жизни, начиная от физических условий существования и заканчивая культурными, ментальными. Надвигающееся будущее обращено к людям своей страшной стороной, так как вырастая из разрушения прошлого, оно еще долго несет в себе его обломки, медленно затягивает нанесенные им рубцы и раны. Поэтому люди в поисках опоры обращаются к прошлому.

Обращение идет к самому давнему прошлому, так как ближайшее прошлое, как правило, тоже попадает под воздействие «ветра перемен». Неслучайно в раннем европейском капитализме итальянцы обратились не к ближайшему средневековью, а к более отстоящей от них по времени античности. Так сформировалась эпоха Возрождения, подарившая миру множество культурных шедевров. А каково давнее прошлое у наших предков – восточных славян? Есть ли у них своя античность, возрождение которой может поспособствовать уверенному продвижению к новым временам? Если обратиться к летописной истории в рамках библейского проекта, то наша история началась с IX в., с первых свидетельств о призвании варягов и образовании ими древнерусского государства. А что было в такие периоды всемирной истории, как древняя история (IV–III тыс. до н. э. – V в. н. э.) и ранняя средневековая история (V–IX вв.)? На уровне общинного сознания, глубинных архетипов, мифоса народной исторической субкультуры люди не склонны видеть своих далеких предков в те времена исключительно в облике первобытных людей. Они размышляют о том, какой же была их дохристианская история и почему она выпала из системы исторического образования, общественно-политического и культурного контекста. Этот вопрос выводит на осмысление историописания в качестве важнейшего приоритета государственного управления, роли идеологии, культуры, «интеллектуального превосходства» в подчинении стран и народов. Применительно к нашей истории в постоянных попытках ввести нас в мир западной цивилизации и выпестованной ею мировой капиталистической системы. Поэтому определение собственного будущего и путь к нему невозможны без обращения к далеким историческим истокам, которые обязательно придадут духовную силу и мощь.

Сегодня крайне трудно реконструировать информационную картину мира и духовность того далекого дохристианского времени, все увереннее облакаемые в понятие «ведическая религия», «ведическое мировоззрение» и т. д. Порой вполне современные идеи, представления, смутные интуитивные ощущения в сопряжении с редкими свидетельствами из прошлого порождают яркие понятные образы, относимые к ведическому наследию. Но это тоже важная культурная работа, духовное взросление, освоение знаний, постижение истины, вселяющие надежду и оптимизм. В конце концов, может именно так и просыпается в нашем сознании/подсознании пласт изначального мифоса, в котором логос/логическое мышление является лишь малой каплей.

Эту идею в настоящее время активно развивает современная гуманитарная наука в лице «глубинной психологии», «глубинной социологии», «глубинного регионоведения» и других глубинных направлений. Сторонники этих направлений вслед за А. Эйнштейном релятивизировали миф о прогрессе, рожденный в недрах философии просвещения, и стали формировать новое концептуальное пространство, новую топику, которую назвали «топикой глубин». Один из основоположников «психологии глубин»

швейцарский психиатр и педагог К. Г. Юнг (1875–1961) открыл феномен «коллективного бессознательного». Основатель французской «социологии глубин» Ж. Дюран (1921–2012) ввел понятие «имажинэр» (воображаемое) в качестве иррационального пласта человеческого сознания, систематизировал его режимы и основания. Благодаря подобным исследованиям все увереннее выстраивается, входя в современный общественно-научный дискурс, так называемая двухуровневая или двухэтажная топика индивидуального и коллективного сознания, соответствующая рациональному сознанию и иррациональному подсознанию. Современный российский философ и социолог А. Г. Дугин определяет ее дробью «логос/мифос», которая показывает, что логос является одним из мифологических явлений. Как пишет Дугин: «На одном уровне существует общество рациональное, построенное по определенным законам, рассудочное, дневное. А на другом – община, мир, семья. На первом этаже пребывают граждане, которые знать друг друга не знают, входят друг с другом в чисто договорные отношения, с договорной точки зрения оценивают власть, находят ее неподходящей, не справившейся с поставленными задачами. Но с точки зрения общины, семьи, мы власть полностью принимаем, любим и поддерживаем, потому что это – «отцы»» [2, с. 26].

Продолжим, что с точки зрения общины, семьи мы верим в существование душ, вселенский божественный разум, вседержительность высшего промысла, наличие не вещественного тонкого информационного мира и хотим соответствовать им, что и было стержнем ведической религии. Круг замкнулся.

Талантливый воспеватель пленительного мира ведической Руси современный тверской художник Всеволод Иванов является автором мудрой картины «Два мира Перыни». Картина окаймлена четким радужным кругом. Верхняя половина круга – это мир Яви, в котором наступает вечер. Тревожные грозовые облака медленно надвигаются на мыс, где стоит красивый новгородский каменный храм в окружении осенних деревьев, сбрасывающих листья. По реке, занимающей нижнюю половину картины, плывет лодка, в которой над веслами склонился монах в темном одеянии. В речной глади отражается исчезнувший мир ведической Руси, деревянное святилище Перуна, которое возможно много веков стояло на месте каменного храма. В водах реки отражается ладья, ведомая волхвом в белом одеянии. В этом ушедшем под воду мире все дышит покоем и умиротворением, в нем нет грозовых туч и упавших листьев. А если перевернуть картину по кругу, то и святилище, и его волхв становятся с головы на ноги. Этот светлый голубой мир оживает и становится небесным миром Прави. В картине есть историческое содержание. С X в. христианский мир, пришедший с Запада, начал вытеснять ведическую Русь, менять организацию, управление, уклад жизни. Радужный круг, в который художник поместил два мира, несет в себе глубокий философский смысл неразрывной связи этих миров и возвращения. Но не в смысле повторения, а обращения к своим собственным родным истокам, не привнесенным извне. Это очень важно для менталитета славян.

Понимание этого зафиксировано и на высоком государственном уровне. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной 9 ноября 2010 г., отмечается, что «информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Происходит эволюция информационного противоборства как новой самостоятельной стратегической формы глобальной конкуренции. Распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам» [3, с. 6]. В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной 18 марта 2019 г., в статье 46-й говорится: «Для повышения устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям необходимо сосредоточить усилия на сохранении сформированных в общественном сознании традиционных фундаментальных ценностей народа, высту-

пающих в качестве одного из основных элементов обеспечения его единства и одним из условий неуклонного развития государства» [4]. Традиционные фундаментальные ценности нашего народа коренятся и в ведическом наследии, которое необходимо спокойно и глубоко изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Друкер, П. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении : пер. с англ. / П. Друкер. – М. : Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. – 380 с.
2. Дугин, А. Г. Логос и мифос. Социология глубин / А. Г. Дугин. – М. : Акад. Проект ; Трикста, 2010. – 364 с.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск : Белорус. Дом печати, 2011. – 47 с.
4. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь // СБ Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kontsepsiya>. – Дата доступа: 21.09.2019.
5. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов // Сайт С. П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/fursov/>. – Дата доступа: 05.05.2016.

УДК 347.626.2

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА

С. Н. Ховратова

Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», Республика Беларусь

Брачный договор является инструментом для регулирования имущественных отношений супругов. В статье автором дан краткий обзор истории становления понятия «брачный договор», проведен анализ основных этапов формирования и развития законодательства, регулирующего институт брачного договора.

Становление института брачного договора берет свое начало в истории древнерусского права, на каждой ступени развития брачному договору присущи черты в соответствии с государственным строем, существовавшим на том или ином этапе развития общества.

Основы брачного договора заложены в таком социальном институте, как брак. Именно брак с правовой точки зрения направлен на возникновение брачных отношений. В то же время брачный договор в этом отношении можно рассматривать как договор, направленный на урегулирование имущественных отношений и личных неимущественных между супругами.

Прообраз брачного договора также можно найти в древнерусских законах. Как такового понятия «брачный договор» в его современном понимании древнерусские законы не знали.

Брачный договор означал «гражданское обручение», т. е. обещание пожениться. Чаще всего этот договор заключали родители юных жениха и невесты и предоставляли неустойку или задаток. Но помимо неустойки или залога, что наиболее важно, в соглашении об обручении оговаривались условия приданого, его размер, безопасность и доля жениха в приданом [1, с. 34].

Следует обратить внимание, что такого рода договорные отношения оформлялись до брака. Кроме того, брачный договор, как и институт брака, согласно ценностям общества, носил пожизненный и нерасторжимый характер. Самыми распространенными типами «добрачного соглашения» были соглашение о приданом, соглашение о масон-